

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Петров И.Ф.

О взаимосвязи культуры общества и культурных потребностей личности 371

Таранов И.Н.

Философия достаточной экономики 373

Ткачев Ю.

Гуманистический манифест «7i» 2019, — призыв к проявлению Человечности 376

Юсупова Г.И.

Этнокультурное измерение региональной безопасности 378

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аймухамбет Ж.Ә., Кокбас Д.

Қазіргі қазақ поэзиясындағы мифтік дүниетаным 381

Вань Ланьсясюань

Семантика фразеологических единиц с цветообозначением в русском и китайском языках 383

Генералов В.А.

"Управление мечтой": к вопросу о применимости критериев адекватности и корректности к русскому переводу англоязычных названий литературных произведений и кинофильмов 386

Леонтьева А.Ю., Агибаева С.С.

Модернистский аспект символики крыльев в рассказе М.Б. Жумабаева «Грехопадение Шолпан» и проблема кризиса сознания 396

Лю Сяюй

Узел «География и природный облик Петербурга» из фрейма «Современный Петербург» 399

Морозова Т.В., Лузанов А.А.

Роль фразеологических оборотов в характеристике персонажей в русской литературе 401

Морозова Т.В., Кузьмич А.

Грамотная речь — как социально необходимое качество будущего инженера 404

Никольская Г.В.

Терминологическая синонимия и ее особенности (на примере терминологической группы «путешествие») 406

Уразаев М.Д.

Особенности перевода текстов наружной рекламы 410

Эшиев А.М.

Эпические теонимы Илайя, Алда таала: предшественники, параллели, аналогии 411

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ворошилова О.Н., Зуева Т.М.

Детерминанты поведения российского электората в процессе выборов разного уровня 414

Каминская Л.А., Алимова Е.Н.,**Каминский А.Э.**

Изучение уровня лингвистического интеллекта у студентов 2 курса медицинского университета в период изучения биологической химии 418

Косицына Д.С.

Психические расстройства подросткового возраста: дисморфобия как одна из форм 422

Першина Қ.В.

Особенности ценностных ориентаций подростков, страдающих олигофренией 424

Сафаев Н.С., Мираширова Н.А.

Индивидуальный стиль профессиональной деятельности зрелого психолога 427

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Никифорова Н.И., Орлова Е.Е.

Отношение молодежи к городской среде и городу в целом 430

Самаль К.С.

Методы и формы развития профессионально значимых качеств будущего педагога-психолога 434

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Раппопорт А.В.

Русофобия как феномен 439

Симонов К.В.

Южноазиатские игры: организационно-правовые и
политические аспекты проведения соревнований
. 443

Шувалов А.А.

Социокультурные аспекты Гражданской войны: на
примере командного состава РККА 445

УДК 821.512.122:161.1

Модернистский аспект символики крыльев в рассказе М.Б. Жумабаева «Грехопадение Шолпан» и проблема кризиса сознания

Леонтьева Анна Юрьева, кандидат филологических наук, доцент;

Агибаева Сабина Советовна, кандидат филологических наук, доцент

НАО Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева (Петропавловск, Республика Казахстан)

Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Весёлый бог не посетил меня
А.А. Ахматова

Своеобразие модернизма в казахской литературе и творчестве Магжана Жумабаева остаётся актуальной проблемой современной филологии. Сам поэт не скрывает интереса к русской поэзии: «О Прекрасная Дама, души идеал, / восхищённый поэт Даме сердце отдал, / одурманенное фантомом...» [1, с. 178]. Если интертекстуальная связь с наследием А.А. Блока и С.А. Есенина давно утверждается в магжановедении, то переключка с модернизмом в целом требует детального изучения. Поэтому предмет нашей компаративистики – лирика поэтов, предельно близких М.Б. Жумабаеву (1893–1938) по возрасту.

Мы рассматриваем рассказ М.Б. Жумабаева «Грехопадение Шолпан» в ассоциативных связях с модернизмом, выбирая корреспондирующим аспектом символику крыльев. На мифологическом уровне они означают скорость, высоту, свободу, вдохновение. Образ исключительной крылатой души имманентен лирической героине М.И. Цветаевой: «Если душа родилась крылатой – / Что ей хоромы – и что ей хаты! / Что Чингис-Хан ей и что – Орда!» [2, с. 421]. Лирическая героиня А.А. Ахматовой уподобляется Афродите (1910): «Богиня! тебе мой гимн. / Руки, как крылья, руки, как крылья, / Над челом золотистый нимб» [3, с. 30]. У ровесника М.Б. Жумабаева В.В. Маяковского в «Поэтохронике» (1917) крылья прославляют революцию: «Шире и шире крыл оружие» [4, с. 66]. О.Э. Мандельштам сопрягает их с вдохновением и уверенностью в своей правоте (1912): «Будет и мой черёд – / Чую размах крыла» [5, т. I, с. 56]. В рассказе М.Б. Жумабаева появляется характеристика «крылья души» Шолпан. Традиционно это высокий знак перехода на небеса. Но писатель даёт им иную оценку – героиня боится одинокой старости, которая обрежет «крылья души» и погасит «огонь сердца» [1, с. 330]: «Жанның қанатын қырқатын, жүректің отын сөндіретін кәрілік» [6, с. 7]. Утрата возможности подняться к небесам объясняется веянием времени и нарративом рассказа.

Эстетическое травестирование крыльев мотивировано глобальным кризисом сознания, имманентным Серебряному веку. Великие открытия в области естественных наук, технический прогресс, войны, оружие массового уничтожения, революции приводят к переоценке традиционной аксиологии. Современные исследователи (профессор З.П. Табакова и магистр В.В. Козел) доказывают: «И в русской, и в казахской культуре семья представляет особую ценность, гипертрофированное понимание гендерного равноправия в западной культуре в этих культурах не коснулось семейных отношений и трансформации под влиянием

новых веяний свободной любви» [7, с. 107]. И всё же разрушительные тенденции эпохи не могли не отразиться в поэзии русского модернизма и рассказе «Грехопадение Шолпан». Рассказ выстраивается на постепенном обескрыливании Шолпан, на разрушении семьи из-за измены. Грехопадение начинается с нежелания беременеть, ибо: «Страшилась Шолпан: стоит лишь неведомому, незваному третьему лишнему врезаться клином в соцветие двух сердец, как вмиг поугаснет, замерцает, а потом и вовсе сойдёт на нет их пылкая и страстная любовь». Истоки горячей привязанности к мужу, страха утратить драгоценную связь объясняет оговорка в начале произведения: «В отличие от бесчисленных своих сверстниц, разделившая судьбу с возлюбленным, а не с участием менового скота...» [1, с. 327]. Шолпан не такая, как остальные «молодухи», ибо не была отдана за калым нелюбимому, не стала жертвой социальной несправедливости. Трагедия женского бесправия – одна из ключевых тем в казахской литературе начала XX в. Отсюда рождается кощунственная молитва: «Не дай, Боже, ребёнку!» [1, с. 327].

Единство профанного и сакрального звучит у А.А. Ахматовой (1915): «Дай мне горькие годы недуга, / Задыханья, бессонницу, жар, / Отними и ребёнка, и друга, / И таинственный песенный дар – / Так молюсь за твоей литургией / После стольких томительных дней, / Чтобы туча над тёмной Россией / Стала облаком в славе лучей» [3, с. 231]. Обе героини, эпическая и лирическая, оправдывают жертву высокими целями – любовью или спасением Родины. Обе разрушают традиционную систему ценностей. Лирическая героиня А.А. Ахматовой кощунственно отождествляет себя с Богородицей, Шолпан идёт наперекор национальной аксиологии. По мнению З.П. Табаковой, «сопоставительный анализ семантики концепта *семья* в русской и казахской культурах показывает трепетное отношение к семейным ценностям в той и другой культурах; семья традиционно предполагает брак мужчины и женщины, а дети воспринимаются как необходимое условие счастливой семейной жизни» [8, с. 27]. Исконные семейные ценности «из поколения в поколение поддерживаются пословицами. Согласно семантике пословиц, женщина-мать является самым дорогим, близким, родным и святым человеком» [7, с. 107]. Поэтому молебны Шолпан о бездетности оппозиционны и национальной аксиологии, где материнство синонимично Родине, и мифологической семантике её имени: «В казахских пословицах, как и в русских, Родина отождествляется с матерью-землёй. Человек, который не знает свою родину, нравственно беден. Огромно воспитательное значение этих пословиц, безгранична их мудрость. *Родина – мать народу, народ – мать джигиту. Мать, родившая героя, всему*

народу мать» [7, с. 108]. Шолпан – «прародительница всех казахов: место Шолпан / Ақшолпан в генеалогическом древе казахов (в качестве жены, матери или сестры) меняется в разных вариантах, но её главное предназначение (быть матерью казахов) не меняется» [9, с. 245]. Героине не дано воплотить своё мифологическое предназначение.

Рассказ М.Б. Жумабаева предваряет паремия, в которой утверждается приоритет традиционной семьи: «В бездетной жизни счастья нет...» [1, с. 327]. Шолпан изначально разрушает национальную аксиологию, но пытается вернуться к ней, когда «Сарсенбай обмолвился походя: «Эх, не зря говорят: «дом с детьми – базар, дом без детей – мазар» [1, с. 330]. После переоценки индивидуальных ценностей и попытки возвращения в лоно традиции начинается обескрыливание героини: «Сарсенбай манағы мақалды айтқаннан кейін Шолпанның сұңқардай ұшқыр жанын, желдей еслаң жүрегін кара жыландай қап-кара ойлар орап алып, улай бастап еді» [6, с. 7]. В русском переводе: «Стоило лишь Сарсенбаю припомнить неугомонную эту поговорку, как полётное сердце Шолпан, её соколиную душу стали обволакивать чёрные мысли, отравляющие своим ядовитым дыханием» [1, с. 330]. Полёт как процесс подъёма на крыльях раскрывает внутреннюю силу героини, стремление ввысь, к счастью. Но имморализм и индивидуализм мечты о бездетном существовании подтачивают основу её бытия: «Неужто три жалкие года даны разыграться и сгинуть магической плазме любви, дававшей надежду на жизнь во вселенском бессмертье?» [1, с. 331]. Эпитет «соколиная душа» («Шолпанның сұңқардай ұшқыр жанын») актуализирует мифопоэтику сокола – солнечного символа победы, силы и свободы. Интересно, что в казахском фольклоре и литературе XIX – начала XX в. образ сокола-сункара обычно соотносится с мужским началом. Сближая героиню с символом воинской доблести и смелости, М.Б. Жумабаев даёт ей высокую оценку. Неслучайно её смерть в финале описана как гибель воина: «...пав в беспощадной борьбе...» [1, с. 352].

На первый взгляд, внутренний мир Шолпан соответствует соколиной символике. Её превосходство показано как творение собственного мира, принятие решения о бездетности за себя и за мужа, затем сильное желание ребёнка ради сохранения любви Сарсенбая. В стремлении исправить ситуацию и забеременеть героиня проходит путь от аскетичной «духополонницы» [1, с. 332] к страстной любовнице и, наконец, изменнице. Её имя также сопрягается с астронимом Венера: «Образ планеты Венеры в мифологии тесно связан с плодородием и плотской любовью, а также с водной стихией» [9, с. 246]. Шолпан теряет любовь и ребёнка, не выполняя своей мифологической функции. Света ей не дано – её уделом остаются ночные раздумья и страдания, а солнце в финале становится знаком смерти: «Солнце победно сияло в зените, когда, пав в беспощадной борьбе со светилом, Шолпан покинула этот мир уже навсегда» [1, с. 352]. Соколиный символ приобретает противоположное значение, но сохраняет первоначальную семантику образа воительницы. Поздняя лирика О.Э. Мандельштама отождествляет пленного сокола со ссылкой поэтом: «Я около Кольцова/ Как сокол закольцован -/

И нет ко мне гонца,/ И дом мой без крыльца» [5, т. I, с. 56]. Соколиная душа Шолпан тоже оказывается в плену ошибок и греха.

Безрезультатное стремление Шолпан зачать ребёнка ради сохранения любви оборачивается мучительными сожалениями о бессмысленно прожитой жизни: «Жизнь – что налаженная и запущенная машина. Машина без души, не знающая ни остановок, ни усталости, ни износа. Что ей чья-то кровь, слезами льющаяся из глаз, чья-то убитая надежда и чей-то увядающий цвет? Какое ей дело, что меж её колёс оказалась чья-то рука, нога, голова и даже всё тело, а с ним и душа человеческая с неведомыми мирами, заключёнными в ней? Вот и исходящее кровью сердце Шолпан, её бьющаяся в судорогах крылатая душа не заставили безоглядную жизнь повременить, обернуться в сострадательном взоре» [1, с. 334]. В оригинале: «Қайрылып қарау білмейтін, аяу білмейтін өмір Шолпанның да жүрегiнен саулап аққан қанына, қанаты сынып өліп жатқан жанына кідіріп, бұрылып қараған жоқ» [6, с. 10].

Шолпан, отчаявшись получить ребенка через молитвы и подаяния, бунтует против воли Аллаха: «Наверняка и Бог – беззастенчивый, алчный, бесчестный торговец. И необузданных, самолюбивых, властных поводов ему не занимать... Как бы там ни было, но ребёнка Шолпан он не дал» [1, с. 334]. Душу, разувверившуюся в высшей истине, посещают скорбные мысли о смерти. Образу соколиной души в рассказе противостоит персонификация старости и смерти – женщина-осень, женщина-смерть: «...мысль о том, что осень наступила, не волочится за человеком три месяца кряду. Просто, в одно хмурое утро мы узнаем, что этой ночью в наших краях вновь поселилась эта морщинистая плаксивая женщина» [1, с. 329]. И далее: «Старость с потухшими уголками глаз, облаченная в пепельно-ветхую робу, безрадостная, как износившаяся осень» [1, с. 330]. Прежнее счастье мерещится Шолпан «бессловесным, угрюмым надгробием» [1, с. 331]. Её разочарование, печальные предчувствия перекликаются с лирическими размышлениями М.Б. Жумабаева: «Праздник юности станет седой золой. / Ты подумай об этом, об участи злой, / Как обманчива жизнь, как играет судьба / Человеческой жизнью и смертью самой... / Снова дразнит судьба и играет людьми, / Чтоб сырая земля распахнулась дверьми, / Ненасытна она, и скрипят её зубы, / А в остывших глазах не осталось любви» [1, с. 113].

Образ сломленной крылатой души корреспондирует поэзии Серебряного века. Но Шолпан сама разрушает душу кощунственной молитвой и попранием истинных ценностей, а русский модернизм использует этот символ для оценки своего времени, «огромного и жестокого» [5, т. II, с. 119]. У А.А. Ахматовой («Смятение», 1913) нелюбовь лишает героиню способности к полёту: «Не любишь, не хочешь смотреть? / О, как ты красив, проклятый! / И я не могу взлететь, / А с детства была крылатой» [3, с. 115]. В лирике М.И. Цветаевой сломанные крылья знаменуют смерть поэта (1916): «Растреплют крылья твои по всем четырём ветрам, / Серафим! – Орлёнок! ->» [2, с. 259]. Ещё жёстче этот символ репрезентируется в цикле «Стихи к Блоку» (1916): «О, поглядите, как / Веки ввалились тёмные! / О, поглядите, как / Крылья

его изломаны!» [2, с. 292]. О.Э. Мандельштам использует образ крыльев для характеристики эпохи и гибели культуры (1918): «Чудовищный корабль на страшной высоте / Несётся, крылья расправляет, -/ Зелёная звезда, в прекрасной нищете / Твой брат, Петрополь, умирает» [5, т. I, с. 102]. В.В. Маяковский включает образ крыльев-знамён во вселенский траур и готовность к вечному бою («Владимир Ильич Ленин», 1924): «Знамённые / снова / склоняются крылья, / чтоб завтра / опять / подняться в бой» [4, с. 518]. Как видим, Шолпан сама ломает крылья своей души, тогда как в поэзии модернизма образ крыльев, сломленных, склонённых, враждебных, выступает символом времени.

Обескрыливание героини акцентируется её решением изменить мужу ради зачатия ребёнка, сохранения любви и семьи. Писатель сопровождает нарратив жёсткими паремиями: «Сотворив разбой, добудь скот, / Сотворив блуд, обрети потомство» [1, с. 337]. И Шолпан, чья позиция ранее противоречила национальным семейным ценностям («Семья – это и дети, и внуки, а ещё – долгожданные правнуки» [8, с. 30]), выбирает постыдный вариант супружеской измены. Именно она решает, что Сарсенбай бесплоден, а себя оправдывает тем, что совершает грех «во имя двух судеб»: «Она должна непременно родить, если это и обойдётся ей в грех величиной с гору и глубиной с море. Неужто не отпустит Всевышний грех, совершённый с благим намерением?» [1, с. 337]. Призывая милость Всевышнего, она усугубляет грех кощунством. Такое же единство греха, кощунства и самооправдания мы находим в стихотворении А.А. Ахматовой (1921): «Тебе покорной? Ты сошёл с ума! / Покорна я одной Господней воле. / Я не хочу ни трепета, ни боли, / Мне муж – палач, а дом его – тюрьма» [3, с. 365]. В оправдание готовности к измене Шолпан перебирает, подобно Агафье Тихоновне из «Женитьбы» Н.В. Гоголя, окружающих мужчин в поисках того, «кто достоин замарать белоснежные крылья любви, а тем более – стать отцом будущего ребёнка» [1, с. 339]. В оригинале: «Махаббаттың ақ қанатын кірлетуге тұратын, әсіресе болашақ балаға ата бо луға лайық ешкім жоқ» [6, с. 14]. В итоге избранником становится Азимбай, а Шолпан попадает от него в эмоциональную зависимость. Постепенная утрата крыльев связана с мотивом грязи-измены. А.А. Ахматова тоже сопрягает мотив измены с образом крыльев, но окровавленных: «Так птица о прозрачное стекло / Всем телом бьётся в зимнее ненастье / И кровь пятнает белое крыло» [3, с. 365]. И казахский писатель, и русская поэтесса через образ крыльев, потерявших свою белизну, передают кризисные тенденции эпохи Серебряного века.

Супружеская измена, долгожданная беременность от Азимбая, духовное рабство, эротическая и психологическая зависимость от пошлого любовника мотивируют смятение Шолпан, контрастирующее с красотой ночного пейзажа: «Великолепная ночь самой нежной поры. В небе ни облака. В необъятном иссиня-чёрном бархате небес в печальной задумчивости проплывает белое золото луны». Смятение героини раскрывается в риторических вопросах: «Что ищет эта луна, кто она? Женщина ли, разлучённая с любимым? Мать ли, потерявшая ребёнка?» И кваканье

лягушек представляется Шолпан печальным, в нём она слышит отзвуки собственных мыслей: «О чём их печальные песни? Или просят они лишь самую малость: жить бы, любить бы, плодить бы?...» [1, с. 341]. Мотив грехопадения и раскаяния подчёркивает образ птичьего крика, недаром в воображении Шолпан он ассоциируется с покаянием: «В чаще у озера кто-то вопит неумолчно: «Господи! Господи! Господи!» Что за тяжкий грех совершила беспутная птица, коль обречена причитать вековечно, не бросая из уст имени Господа своего?» [1, с. 342]. Но душевная гармония не наступает, покоя и умиротворения героине не дано. Возникает ассоциативная связь с стихотворением О.Э. Мандельштама (1912): «Образ твой, мучительный и зыбкий, / Я не мог в тумане осязать. / «Господи!» - сказал я по ошибке, / Сам того не думая сказать». Акмеист передаёт атмосферу душевных исканий и сомнений, утверждает концепцию исихазма, нарушение которого ведёт к душевному опустошению и смятению: «Божье имя, как большая птица, / Вылетело из моей груди. / Впереди густой туман клубится, / И большая клетка позади» [5, т. I, с. 57]. Оба творца используют образы птиц и Божье имя как эмоционально насыщенное междометие. Героиня М.Б. Жумабаева слышит его в птичьем крике как отголосок своего раскаяния, лирический герой О.Э. Мандельштама произносит его и переживает смятение.

В финале рассказа символика крыльев приобретает негативную семантику. Так, «летучая полудрёма» героини свидетельствует о её некрепком сне, большой совести, сомнениях: «Снова потянулись коварные, кошмарные ночи, когда, покидая враждебный берег страдания, Шолпан многократно погружалась в холодное море раздумий, безуспешно пытаясь нащупать дно истины. Но, кроме иступлённых стенаний – «я стою меж двух огней, Боже правый, пожалей» - так и не смогла подобрать ключа к разъедающей душу головоломке» [1, с. 347]. Экспрессивное выражение «лететь на крыльях» с семантикой стремительности становится знаком беды, сюжетной ситуацией неожиданного возвращения мужа и разоблачения любовников. Но подаётся фразеологизм как ироничная реплика глуповатого Азимбая: «Он что, на крыльях сюда прилетит?» [1, с. 348]. Расправа Сарсенбая и аульчан с грешницей Шолпан, избивание и очищение сорока вёдрами проточной воды сопровождается изменением характеристики – вместо крылатой, полётной, соколиной души героиня сопоставляется с собакой, амбивалентным символом подлости и персонификацией человеческой души [9, с. 203-205]. В речи мужа появляется хулительная паремия: «Сучья твоя душа, я что, просил у тебя ребёнка?.. Я что, сказал: поди, блуди, но роди?!» [1, с. 348]. Поминание Аллаха истязаемой женщиной воспринимается негативно: «- Не смей поминать Аллаха, недостойная, подлая тварь! – выругался Сарсенбай» [1, с. 350]. В русской и казахской литературе обескрыливание и смерть выступают характеристикой века. М.Б. Жумабаев мотивирует кризис семьи спецификой эпохи: «Расстояние меж ними, разграничившись трещиной, обвалились оврагом, а овраг зазиял неодолимой пропастью. Но там, где человек не знает брода, сама эпоха строит переправу. В этом мире можно обойти ловушки и западни, устроенными руками человеческими, но никого ещё не

миновала петля, уготованная его величеством Временем. Вот и Сарсенбая с Шолпан, как несмышлёных детей своих, рассудили по обычаю и праву осенявшие их времена и нравы» [1, с. 347].

Итак, казахский писатель и русские поэты улавливают знаки кризисной эпохи, разрушение ценностей семьи, предвосхищая проблемы «современного общества, в котором родственные связи перестают играть главную роль в социализации человека» [8, с. 32]. Переключка рассказа с лирикой модернизма через символ крыльев и обескрыливания говорит о созда-

нии М.Б. Жумабаевым евразийского контекста, где совмещаются глобальный кризис сознания, модернистская поэтика с национальной аксиологией. О такой поликультурной связи размышляет О.Э. Мандельштам в «Заметках о Шенье»: «Так в поэзии разрушаются грани национального, и стихия одного языка перекликается с другой через головы пространства и времени, ибо все языки связаны братским союзом, утверждающимся на свободе и домашности каждого, и внутри этой свободы братски родственны и по-домашнему ауются» [5, т. II, с. 99].

Литература:

1. Жумабаев М.Б. Пророк. Стихи, поэмы, рассказ / Перевод с казахского. — Астана: Аударма, 2010. — 368 с.
2. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т.1.: Стихотворения. — М.: Эллис Лак, 1994. — 640 с.
3. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904-1941. — М.: Эллис Лак, 1998. — 968 с.
4. Маяковский В.В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. — М.: Художественная литература, 1969. — 736 с. — (Библиотека всемирной литературы).
5. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений и писем: В трёх томах. Том 1. Стихотворения. — М.: Прогресс-Плеяда, 2009. — 808 с. — Том 2. Проза. — М., 2010. — 760 с.
6. Жумабаев Мағжан. Шығармалары (әдебибасылым). 2 т.: Әңгіме, ғылымиңбек, мақалалар, аудармалар, жарияланбаған өлеңдер. Алматы: Жазушы, 2013. — 376 бет.
7. Табакова З.П., Козел В.В. Вербализация концепта «Женщина» в паремиях русского и казахского языков // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова. — Серия филологическая. — №3. — 2018. — С. 105-112.
8. Табакова З.П. Семья как нравственная ценность в русской ментальности // Естественно-гуманитарные исследования. Международный журнал. — №20 (2). — 2018. — С. 26-32.
9. Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. — Алматы: Нурлы алам, 2005. — 272 с.

Узел «География и природный облик Петербурга» из фрейма «Современный Петербург»

Лю Сяоюй, преподаватель, магистр филологических наук
Шаньдунский университет путей сообщения (КНР) Китай

Понятие фрейм, которое ввел в 1947 г. американский ученый М. Минский, исследовавший проблемы искусственного интеллекта и способы представления знаний в компьютере, зародилось не в лингвистической науке, а в программировании. Теория фреймов имела цель объяснить высокую скорость человеческого восприятия и мышления, поэтому она заинтересовала и философов, и лингвистов. Фрейм — это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации (Маслова, 2004: 7). На основе исследования высказываний экспатов в интернет-газете «Бумага» был выработан фрейм современный Петербург, представлен в схеме 1.

Фрейм современный Петербург состоит из трех вершинных узлов — география и природный облик Петербурга, люди в Петербурге и жизнь в Петербурге, которые заполнены разными слотами нижних уровней. В этой статье подробно разбираем узел География и природный облик Петербурга.

Узел География и природный облик Петербурга фрейма современного Петербурга составляет 3 слота: водное пространство города, погода и природные условия. Основными лексико-семантическими средствами описания этого узла являются партитивные номинации, признаковые номинации и количествен-

ные номинации.

В слоте водное пространство города работает в основном партитивная номинация. Партитивная номинация Петербурга объективируется в следующих номинациях: близость к Европе (3/48) море (8/48), Финский залив (4/48), залив Балтийского моря (1/48), реки (5/48), каналы (6/48), мосты (2/48).

По мнению экспатов, город расположен близко к Европе. 1) Отсюда всего за несколько часов я могу добраться до Франции, Англии, Норвегии. Опять же, рядом Москва. Всё очень доступно. 2) Кроме того, мне важно иногда ненадолго возвращаться в Европу. Они находят тесную связь между городом и водой. Город находится на берегу Финского залива, рядом есть море, которое для некоторых экспатов является важным моментом. И именно такая близость к морю подчеркивает общность Петербурга и родины экспатов, расположенной на берегу моря: 1) В Петербурге я живу близко к морю. Несмотря на то, что это Финский залив, он мне напоминает дом, Бразилию. Именно поэтому Санкт-Петербург мне ближе, чем та же Москва, хотя она на самом деле больше похожа на Рио по количеству людей. 2) Здорово, что рядом есть залив Балтийского моря — он дает городу бриз. Возможно, потому что я родился в Ницце, мне действи-

